

Эпизод \[104й]////

НЕБО, БЕСКРАЙНЕЕ НЕБО

- >> Предварительная
- >> «Небо – ты низко и ты так высоко!»
- >> Возвращение блудящего сына
 - >> «Видели бы вы мои штаны сзади!»
 - >> «Небо – мальчишек превращаешь в мужчин!»
- >> Курсант Саша Передышко *(продолжение)*
- >> Курсант Юрий Белобородько

24 июля 1972 г. (понедельник)

— Михалыч, лови «мясо»!

□□□ — Педагог, едри его мать! Из тел. худ. сериала «Цыганки» <<••>> — Мы ещё повилаем хвостиком!

Из худ. к/ф-ма «Девять дней одного года»

Предварительная на сегодняшнюю вторую смену. В коридоре раздались Батины шаги (его походку не перепутаешь ни с чьей другой). И мы в классе притихли.

Дверь открывается.

— Встать! Смирно!

— Вольно! Здравствуйте! Садитесь.

После короткого разбора наших ошибок за прошлую лётную смену, Валерий Иванович рассказал, кто и что летает. А мне ставит задачу отдельно:

— На сегодня у тебя запланированы две самостоятельные зоны.

Я поднимаю левую бровь, что должно было означать: «А контрольная? А как же моя ошибка?»

— Контрольной зоны не будет! Видишь ли, в этом контрольном полёте нам может попасть зона, из которой ты умеешь выходить, понимаешь? Не такая уж это великая премудрость – возвращаться на точку. Продумай все варианты выхода из различных зон перед полётом. И, прежде чем доворачиваться на четвёртом развороте на посадочный курс, спроси себя: а с тем ли стартом летаем? Для тебя этот вопрос обязателен! Посмотри на компас, на АРК! Сравни свой предстоящий доклад с их показаниями! И лишь потом доворачивайся и докладывай! И всё будет в порядке! Надо по программе двигаться, а не топтаться на месте! Понял?

Я киваю. И снова чувствую глубокую благодарность к своим инструкторам – командиру экипажа и... командиру звена. Такое доверие обязывает! Разве можно его, доверие, не оправдать?

— Вот так! Давай, готовься! И чтобы сегодня хорошо слетал!

В этом полёте было не так важно, что я там буду делать (хотя отпилотировать всё равно следовало без помарок, конечно!). Для меня, для Бати, для КЗ было важно, как я вернусь домой!

Но подумал о другом! Получается, в первый раз меня драли и отстраняли от полётов вроде как не за эту ошибку – не такая она уж страшная и редкая, как оказалось потом, у курсантов! – а за что-то другое! Кто-то тогда хорошо постарался вымазать меня дерьмом перед инструктором!.. <<•>••<•>>

— Я тихонечко... Огородами, огородами и домой...

Из худ. к/ф-ма «Частный детектив»

...Осмотрев и приняв Эл, усаживаюсь в кабину. Саня помогает мне надеть подвесную систему парашюта и пристегнуться к катапультному креслу.

Ставлю ноги на педали. И мои коленки оказываются почти у груди – педали в кабине выдвинуты до отказа на себя. Считая, что передо мной летал кто-то из наших коротышек с короткими ногами, всё же интересуюсь:

— Санёк, кто передо мной летал-то?

— А этот... Из первого экипажа... Важный такой, с выеб*нами... Как его?

— Белобородько, что ли? — скривился я, как от оскомины.

— Во-во! Он самый! А что? Дурак?

— Ещё и какой! Круглый! Он даже не знает, что можно делать с дробью, типа «а» разделить на «а» в квадрате!

— Серьёзно, что ль? — удивляется Саша.

— Без преувеличений!

— А как же он поступил в высшее военное училище?

— А он экзамены не сдавал со всеми, предоставил справку, скорее всего, липовую, что якобы отучился первый курс в строительном институте!

— Ну, дела!

А я задумался о педалях и зачем это нужно Белобородько. Странно! Он лишь на пару сантиметров ростом ниже меня – стоял весь первый курс в строю за мной. Вроде, ноги его короткими не назовёшь...

Круглой рукояткой справа-внизу приборной доски, расстопорил педали и устанавливаю их на привычное место в среднее положение. Другой коленкор! Отпускаю стопор. Всё! Педали зафиксированы!

Перед взлётом от РП получаю зону № 4. Это как раз та зона, в которой я был с Батей в прошлую лётную смену. И выход из которой, чуть не доставил мне снова неприятности! Возможно, Валерий Иванович по телефону попросил РП капитана Федорцева, чтобы мне дали именно эту пилотажную зону. Да я и сам этому рад! Надо же показать, что я всё понял и справлюсь!

Я очень этому рад!

Взлёт. Спиралью с креном 45° набираю высоту над точкой.

Пока наскребаю 4000 м, решил попробовать пилотировать как Борода – с педалями, в крайнем положении «на себя». Тяну расстопаривающую ручку, ослабеваю усилия на педалях. Под действием мощных пружин они синхронно подаются ближе к сидению. Отпускаю рукоятку. Щелчок – и педали стопорятся. Упираюсь ногами...

Ничего не понимаю! Что за удовольствие? Сидишь, скорчившись, как в коконе, коленки почти у самых скул, облизать можно. Как в гинекологическом кресле. Правда, в этом самом кресле я никогда не сидел, но ощущение такое!

В общем, ничего хорошего в этом не почувствовал.

Возвращаю педали в нормальное положение и переключаюсь на пилотирование.

Набирая высоту, любуюсь красотами земли.

— 18й, отошёл в четвёртую, 4000, сам!

— Понял 18го.

Уход в зону. Через 5.10 оказываюсь в центре.

— Задание, 18й! — разрешает РП после моего доклада о занятии пилотажной зоны.

Аккуратно выполняю виражи. Всё-таки хорошо летать самостоятельно! И хотя в задней кабине никого нет, за всем тем стараюсь пилотировать чище. Ведь я отрабатываю технику пилотирования для себя! Слов не хватает, чтобы выразить всё это великолепное чувство. Когда ты как настоящий лётчик управляешь самолётом. Когда никто за тобой не следит, не контролирует (бортовой самописец-шпион не в счёт, пусть пишет, пусть контролирует и шпионит). Когда не чувствуется рука инструктора на ручке управления, а его ноги на педалях.

Я пилотирую свой Эл и внутренне ликую! Мечта, что это такое? Наверное, это нереализованное желание, которое очень трудно воплотить в жизнь. А моя мечта летать исполняется сейчас, вот в эту самую минуту! Я – самый счастливый человек на Земле! Не верите? А вы попробуйте: двадцать лет мечтать о том, чтобы летать (ещё будучи живчиком с хвостиком), а потом самостоятельно взлететь на самолёте и попилотировать!

Вот здесь, когда никто не услышит, можно и попеть!

И я, нажав на кнопку СПУ, пою для себя. Впрочем, не пою, а даже кричу в пении:

— Небо – ты близко и ты так далеко!

Небо – ты низко и ты так высоко!

Прячешь загадок немало,

И раскрывать тайны твои нелегко!¹

И мои глаза, честное слово, наполняются слезами. То ли от крика и песнопения, то ли от умиления и... счастья!

...После виражей – пикирования. Мои первые пикирования в самостоятельном полёте. И они – с углами 20, а не 30 градусов. Так по заданию. Только великие специалисты по дешифровке плёнок САРПП смогут определить, что у меня были углы 30, а не 20 градусов. Таковых у нас в полку не имеется. Да и девчата в объективном контроле – мои друзья, не подставят.

Но... Нарушать не станем! Из принципа! В задании 20 градусов, значит, и пилотировать будем так!

Уменьшаю скорость до 250 и с левым креном сваливаю Эл в пике. На угле 20 вывожу из крена и увеличиваю обороты двигателю до максимальных. Смотрю, как в прицеле держится чей-то белый-белый особнячок. Скорость нарастает и одновременно растут давящие усилия на ручке управления на вывод из пикирования. Так аэродинамически устроен наш самолёт – чем больше скорость, тем больше эти усилия. Достаточно отпустить ручку и Элка сама выйдет из пике! И даже с хорошей перегрузкой.

Скоростёнка подходит к 500 км в час, я кричу по СПУ: «Сброс!» – вроде как сбрасываю смертоносные бомбы по штабу супостата в белом особнячке и начинаю ослабевать усилия на ручке и самолёт выбирает из угла. К горизонту на приборе у меня скорость ровно 550, а высота 2000! И я с перегрузочкой ввожу самолёт в горку. Угол 20 фиксирую. Вроде как, после атаки противника ухожу из-под удара его ПВО. Сзади меня, конечно, рвутся зенитные снаряды, а я уже высоко и далеко, вне зоны их досягаемости! Интересно!

И снова больше внимания скорости. Элка пытается вывести из горки, сама лечь на горизонт. Я её «не пускаю». Ведь управляю самолётом я, а не самолёт мной!

— В небе, в небе над головой
Вьётся белая нить...
Слышу, слышу я голос твой:
«Без высоты, без красоты нам не прожить!..»

Как только стрелочка облизала деление 300, ослабеваю усилия на ручке, ввожу Эл в крен – так он охотнее начинает опускать капот к горизонту. И мы вдвоём с самолётом выводим из горки в горизонтальный полёт. С креном, правда. Но так по заданию.

Замечательно! В горизонтальном полёте скорость, как и положено, 250 км/час! Видел бы Батя или Хотеев, как я сейчас пилотирую, похвалил бы! Хотя... хрен там! Скупы они на похвалы!

Прибираю обороты, теперь пикирование вправо! Где же там мой особнячок для прицеливания? Не нашёл! Наверное, я его в прошлой атаке уничтожил! В прицел попала опушка леса. Ага, там, противник припрятал танки! Щас я их!.. Так даже интереснее!

Пикирование – якобы сброс бомб по «танкам»...

Вывод!

Горка...

Выводим!

И ещё один комплекс: пикирование – горка... Ах, как хорошо с перегрузкой выводить! Аж в трусах всё напрягает!..

Теперь спираль с креном 45 до двух!..

Красиво, красиво!

Всё, пошли домой, пернатый!

— 18й в четвёртой задание выполнил, сам!

— 18му на привод, 1800!

— Понял, 1800! — выдыхаю я в эфир.

И подворачиваю самолёт на стрелочку АРК. Пускаю секундомер. На канале пеленгации запрашиваю «прибой».

Я... иду... домой... Ах да, начинается самое интересное!

Через пару минут, когда по моим расчётам можно уже видеть аэродром, вытягиваю шею, всматриваясь вперёд, чтобы пораньше заметить нашу точку.

Где же ты, чёрт подери, наш аэродром? Там меня, наверное, уже ждёт мой друг техник самолёта Саша свет-Кириллов. И стартовый завтрак!

И выйти надо обязательно к четвёртому развороту. Как учил Батя.

Так. Вот она, точка! Ну и слава богу!

Стоп! С каким посадочным летаем? 110!

Как будем заходить? Сейчас левым разворотом! Всё правильно!

Подвернусь влево и окажусь в районе четвёртого разворота! Точно будет?

Проверяем себя! Что на компасе?

Я быстро перевожу взгляд на ГИК-1 – отметка в 110 как раз будет слева, куда я собираюсь доворачиваться!

Представил себе расположение аэродрома с этим посадочным курсом. Затем сравнил представленное с тем, что у меня на компасе. Нет, всё верно!

Ввожу в разворот.

— 18й на четвёртом, 1800 – 110, сам!

РП молчит, снижение не даёт. И это, чёрт возьми, тревожит!

Без разрешения руководителя снижаться нельзя: а вдруг кто-то идёт подо мной?

И я иду на своей высоте...

Секундомер отсчитывает беспокоящие меня секунды...

Нервно ещё раз сверил свой доклад с показаниями обоих компасов ...

Стрелочка АРК покачалась-покачалась и упала на 180, то есть, ДПРС я прошёл...

Нет, вроде всё правильно! Так и должно быть!

Или нет?

А если правильно, чего же ты, РП, не даёшь мне тогда снижение? Отыскиваешь меня своим орлиным взглядом?

— 18й, место?

— 18й... эээ... — что сказать, тишь его клёшь? — Сейчас буду проходить над вами! 1800 у меня...

— А! Вижу! Снижайтесь к первому до 500!

— Понял, 500!

Ффух! Чуть инфаркт не схватил от волнения!

«Видели бы вы мои брюки сейчас сзади!» — припомнил я фразу из недавно рассказанного мной анекдота.

Я перевожу дыхание. Вернулся без ошибок! Всё хорошо!

А ошибки... Ошибки будем искоренять!

Интересно, а как у медиков студенты учатся? Там ведь ошибаться нельзя! Там цена ошибки не своя, а чужая жизнь, чужое здоровье! А у Толяна на танках какие проблемы, волнительные ошибки?

Захожу на посадку и сажаю свой Эл прекрасно: мягонько так, и прямо рядом с посадочным «Т»! Хороший всё-таки самолёт у Саши Кириллова – садится просто замечательно!

...Когда расстёгивался в кабине, мимо с кислородной маской в руке проходил Батя. Он шёл с Самойченко на какой-то другой борт.

Издалека посмотрел на меня и поднял подбородок: как, мол?

В ответ я прикрываю глаза и киваю: «Всё в порядке, товарищ старший лейтенант! Зашёл, как учили!»

И он тоже кивает: «Видишь, получилось! Так и продолжай!»

«Есть!»

Это была моя маленькая победа! Авиация снова со мной!

Вдогонку:

••>> Небо – глазами провожаемый клин!□

□□□□□ Небо – мальчишек превращаешь в мужчин!

□□□□□ Небо! Бескрайнее небо!..

□□□□□ Но навсегда в гуле турбин – я твой сын!

□□□□□ В небе, в небе над головой

□□□□□ Вьётся белая нить.

□□□□ Слышу, слышу я голос твой: □□□□ «Мало меня только любить!..» Песня из худ. к/ф-ма «Дни лётные»

Расписался в журнале техника, что претензий к работе авиатехники нет. За мной летит Шурик Передышко. Помогаю ему и своему другу Саше готовить борт к следующему вылету. А моя следующая зона – следом.

Как только Шурко запустил двигатель и порулил, иду в лётную столовую.

А потом захожу в объективный контроль. Настроение прекрасное!

— Привет, девчонки! — И подхожу к своей любви. — Лидок, как ты тут без меня?

Невыносимое сексуальное одиночество придаёт мне смелости и уверенности.

— У нас хорошо! А у тебя?

— Ой, не спрашивайте! — вздыхаю я. — Одна светлая полоска в жизни. И та от плавок!

Девушки смеются.

А я, пользуясь тем, что никого рядом из наших нет, обнимаю девчонку за осиный стан, прижимаюсь щекой к её щеке и целую в уголок рта. Мне уже это разрешено делать!

— Я так в полёте по тебе скучал!

Лидочка как кошка трётся своим носиком о мою щеку и рукой за шею прижимает меня к себе...

Приятно!

Посидел в тенёчке под тентом. Рассматривал полётную карту, представляя, как буду выходить на точку из других зон.

Минут через сорок подтянулся на стоянку. Тут заруливает Шурко. Я помогаю Саше Кириллову готовить для меня самолёт к вылету. А Передышко вылез из кабины, расписался в журнале и, как инструктор, спокойно пошёл со стоянки.

— Шурко! — кричу. — Помоги подготовить Эл!

Он лениво обернулся:

— Щас! В объективный контроль кассету отнесу!

И крендель ушёл!

Саня потемнел лицом:

— Вот это такие твои товарищи?

— Такие товарищи, Саша...

Пока лучший техник полка осматривал борт, я заправил его керосином. Потом вдвоём зарядили систему воздухом, подзаправили кислородом.

Я принял самолёт, расписался в журнале.

Появился Шурко у самолёта, лишь когда Эл был готов к вылету и я уже усаживался в кабину.

— А! Вы уже подготовили? — надо же было что-то сказать.

— Нет! Мы тебя ждали, когда ты придёшь нам помогать! — сверкнул я глазами.

Саша Кириллов на Шурко даже не глянул! Тот потоптался на ЦЗ и пошёл к лётному домику.

Я запустил движок и вырулил.

Досталась мне третья зона.

Как и в первом полёте попилотировал всласть, разгромил противника своими пикирующими атаками.

А потом благополучно вернулся на точку, правильно вошёл в круг полётов и посадил самолёт. Правда, несколько с перелётиком...

Зарулил на стоянку. Вылез радостный из кабины. Всё-таки победа окрыляет!

Саша Кириллов, наблюдая меня, тоже широко улыбается. Друг он и есть друг, всегда будет радоваться твоим победам, а ты – его!

— В какой зоне был? — интересуется Передышко.

— В третьей. Ни единого облачка! Хорошо рассмотрел центр зоны...

И лезу на крыло, чтобы взять из рук Саши заправочный пистолет.

Сашок не подпускает меня к себе:

— Юра, иди! — говорит он тихо и с нажимом. — Тебя ждут в объективном контроле!

— Да щас! Помогу подготовить самолёт и пойду!

— Не надо здесь **ему** помогать! Пусть поймёт на своей шкуре, как это!

И не отдаёт заправочный пистолет.

— Саш, я не ему, я тебе хочу помочь!

— Не нужна мне твоя помощь! Здесь и сейчас! — и мой друг смотрит мне в глаза. — Ему лететь, вот пусть он и помогает! Я тебе говорю: иди в объективный контроль, в лётный домик, в сортир подрочить...

— Да я в третьей зоне на 4000 метрах и скорости 550 км/ч уже подрочил!

— Серьёзно, что ли? — Саша уставился на меня.

— Шучу, конечно! Как ты догадываешься, в полёте не до этого!

— Вот походи и сделай это как все нормальные парни в спокойной обстановке, с удовольствием и на земле, а не с риском для жизни в полёте! Иди в столовую, в «квадрат», на х*й – куда угодно!

— Дожился! Уже и ты меня на х*й посылаешь! — делаю обиженный вид.

— Но я же – любя, по дружески! — расплывается в своей изумительной улыбке Саня и трогает меня за локоть тыльной, чистой стороной ладони.

— Саш! А чем я тогда буду от него отличаться?

— Своей порядочностью! Иди, я тебе сказал!

Я хмыкнул и отхожу.

А Сашок кричит:

— Шурко! Самолёт воздухом заправил? А ну, к пистолету! Быстро!

У нас есть указания комэски все требования техников самолётов по подготовке Элов к вылету курсантам выполнять мгновенно и безоговорочно. Если Хотеев услышит хоть намёк на жалобу на какого-нибудь курсанта от техника самолёта, писец этому курсачу наступит молниеносно!

Слышу ещё голос Передышко:

— А где Кручинин?

— В объективный контроль пошёл! Ты меньше спрашивай, больше делай! — покрикивает Саша Кириллов.

Я иду бездельничать к лётному домику и думаю о том, что в каждом человеке водится и хорошее, и плохое.

Вот Шурко Передышко... Нормальный, вроде парень! А вот ведь какой сегодня номер выкинул, захотел сачкануть! Но странное дело: по отношению к Журавлю и Сэму он такие вещи не допускает. Он и нагружать их старается меньше своими просьбами. Потому что они дружбаны? А с Кручининим можно, с ним всё это пройдёт!..

Наверное, и мои какие-то поступки кому-то не нравятся! Вопрос лишь в том, чтобы такого было как можно меньше.

Для этого и веду свой дневник...

Вдогонку:

••>> — *А танец продолжается!*

□□□□□□□□□□□□ — *Продолжается!* Из америк. худ. сериала «Калифорния» <<•>•••<•>>

Asinos non euro? ... ТУБЕРМАН ...

Вы можете не только в (административной) ...